

ПРЕСТУПЛЕНИЯ СТАРОЙ МОСКВЫ
Исторические детективы Андрея Доброва

АНДРЕЙ ДОБРОВ

КРЫСА В ХРАМЕ

Гиляровский и Елисеев

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д55

Художественное оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Филиппа Барбышева*

Добров, Андрей Станиславович.

Д55 Крыса в храме. Гиляровский и Елисеев / Андрей Добров. – Москва : Эксмо, 2020. – 320 с.

ISBN 978-5-04-106633-8

Знаменитому московскому репортеру Владимиру Гиляровскому однажды удалось проникнуть в закрытый для остальных посетителей ресторан Тестова, где пьянствовал известный петербургский миллионер Григорий Елисеев. Присоединившись к предпринимателю, репортер получил от него неожиданное приглашение – посетить грандиозную стройку, затеянную им на Тверской улице. Никто из москвичей не знал, что возводили за высоким забором, и тем более никто не знал, что время от времени по стройке блуждал загадочный Красный Призрак... Однако совсем скоро призрак начал убивать случайных посетителей стройки, и Гиляровскому, невольно вовлеченному в эти происшествия, пришлось выяснять, кто этот таинственный злодей и кому он мстит.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Добров А., текст, 2020
© Оформление ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106633-8

• ВСТУПЛЕНИЕ •

Все персонажи вымышленные,
а события эти
никогда не происходили.

Итак, представьте себе Москву 1901 года. Лето, жара, горожане переехали за город, на дачи... Казалось бы, как тут думать о плохом, если в небе ярко светит солнце, толчеи на улицах нет и хочется одного — растянуться на берегу реки в тени ивы или другого какого дерева? Увы, как часто самые страшные новости приходят вот в такие ясные и вполне счастливые дни.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

— **В**ы слышали? У Тестова закрыто! С самого утра швейцар никого не пускает. Говорит, какой-то господин из Петербурга заплатил Тестову, снял для одного себя весь ресторан и сидит там как сын, пьет водку! У подъезда экипажи, народ рвется внутрь, а никого не пускают. Скандал!

— Да как же не пускают? К Тестову?

— Целый ресторан снял! Это за какие же деньги?

— Тыщи...

— Вот-вот! Я мельком слышал — сам Елисеев из Петербурга появился. Стройку свою инспектирует.

— Чудит!

Такой диалог я услышал, сидя на скамейке Тверского бульвара возле самого памятника Александру Сергеевичу. Один из говоривших бросал на меня завистливые взгляды — я занял единственную скамейку, которая была расположена в тени дерева, и отдыхал от жары. Второй из говоривших прикрывал голову

газетой, а шляпу держал в руке и энергично ею обмахивался. В нескольких шагах от них плавилась от летнего солнца, орала во всю глотку, стучала копытами и громыкала колесами Тверская. Голуби, издавая страстное курлыканье, все ближе подбирались ко мне, ожидая хлебных крошек; они даже покинули свой любимый насест — голову бронзового Пушкина.

«Вот так так! — подумал я. — Неужели действительно сам Елисеев?! И для чего ему понадобилось такое роскошное уединение? Снял бы кабинет, чтобы не тревожили».

Конечно, я мог бы забыть о подслушанном разговоре, немного понежиться в тенике, прежде чем идти к себе в Столешников переулок. Но мое всегдашнее любопытство, конечно же, довольно скоро разыгралось настолько, что я, проклиная жару, себя и всех вокруг, встал и пошел к стоявшему у обочины извозчику. Ну съезжу, просто одним глазком посмотрю на этого занятого господина.

Ехать было недалеко — на угол Театральной и Воскресенской, где в здании гостиницы «Континенталь» помещался знаменитый в те годы трактир Тестова. У парадного входа действительно стояло несколько купеческих экипажей, владельцы которых, вероятно, укрывшись в тени пологов, раздраженно ждали объяснения такому безобразию. Растолкав двух молодых мужчин в светлых летних костюмах — вероятно, управляющих или спутников тех, кто сидел в экипа-

жах, — я уткнулся в бороду дородного швейцара, который, узнав о моем твердом намерении пройти внутрь, попытался меня остановить сообщением, что заведение закрыто. Но я просто отодвинул его в сторону и направился по высокой лестнице, которая вела в залы трактира. Однако наверху мне встретилась новая преграда в виде двух господ плотного сложения в аккуратных темных костюмах.

— Туда нельзя, — сказал один из охранников.

— С какой это стати? — спросил я, ослабляя узел галстука: на лестнице было еще более душно, чем на улице.

— Занято.

Тут в зале появился старшина половых Кузьма Павлович — он не раз потчевал меня и моих гостей тестовскими деликатесами, и я окликнул его.

— Кузьма Павлович! — крикнул я. — Что ж тут такое? Не пускают!

Охранники шагнули ко мне, и я покрепче взялся за трость, кивнув на ее массивный набалдашник.

Кузьма остановился, посмотрел в мою сторону, как бы в нерешительности, а потом сорвался и быстро пошел.

— Владимир Алексеевич, — обратился он ко мне, выглянув из-за спин охранников. — Бога ради! Не могу!

— А что такое?

Охранники нервно переглянулись.

— Шли бы вы отсюда, господин хороший, — сказал один из них.

— А кто хоть там? — спросил я громко Кузьму.

Тот умоляюще замотал белой бородой и сделал движение назад, собираясь убежать. Но в это время из зала вышел еще один персонаж — в клетчатом английском пиджаке с зализанными назад волосами и коротко стриженными военными усами.

— Что за шум? — строго спросил клетчатый.

— Вот этот рвется, — отрапортовал охранник.

— Гони!

Я рассердился по-настоящему.

— Кого это гони? — прорычал я. — Сам-то кто такой?

— Гони-гони, — холодно, не обращая на меня никакого внимания, скомандовал клетчатый.

Охранник растопырил руки, как будто собирался ловить рвущуюся вперед лошадь.

— А ну давай топай отсюда!

Кузьма Павлович, бросив на меня взгляд, полный сожаления, быстро направился в зал.

— А ну пошел! — охранник уже пытался отжать меня всем корпусом, но не на таковского напал. Я с силой толкнул его вперед, и он упал спиной, увлекая за собой напарника.

— Ах ты гад! — закричал упавший.

Клетчатый перевел взгляд на меня. Медленно сунул руку под пиджак и вынул револьвер. Я прикинул, что стрелять он не будет — слишком уж место неподходящее. Хотел просто припугнуть меня. Может, случись это в темном узком переулке, я бы и испугался — и то, если бы был мальчонкой лет семи. А здесь я только повыше поднял трость и погрозил ею.

— А вот этого не хочешь?

Не знаю, чем бы закончилась эта совершенно дурацкая сцена — скорее всего, они втроем взяли бы меня за белые ручки и спустили бы по той самой лестнице, по которой я поднимался. Но тут позади этих церберов появилось новое лицо. Человек этот едва держался на ногах. Мужчина во фраке, с одутловатым лицом, хорошо причесанный, но совершенно при этом пьяный, с рюмкой в руках, стоял, покачиваясь, и смотрел на нас. Его появление произвело на охранников чудесное действие — они постарались вскочить и принять вид бравый и солидный, что, правда, далось им с трудом.

— Теллер! — сказал мужчина немного заплетающимся языком. — Ты куда пропал? Что тут? Кто это?

Человек этот был мне знаком, хотя в таком состоянии я видел его впервые.

— Григорий Григорьевич! — позвал я. — Это же я, Гиляровский!

Пьяный мужчина во фраке перевел на меня взгляд.

— А что вы там торчите? — спросил он. — Идите сюда. Выпьем! Теллер! Это ко мне.

Клетчатый недовольно поморщился и сунул пистолет обратно под пиджак. Я насмешливо посмотрел ему прямо в глаза. Поджав губы под кустиком жестких русских усов, он отодвинулся в сторону, и я вошел в зал.

— Ну? — громко спросил мужчина во фраке. — Водку пьешь, Гиляровский?

— Пью, — кивнул я.

— Так и пошли!

Я последовал за ним, стараясь не показывать удивления. Всякое я повидал в своей жизни, но увидеть пьяного, едва держащегося на ногах миллионера Елисеева — такого мне еще не доводилось! Григория Григорьевича Елисеева в Москве, конечно, знали. Еще бы! Наследник огромной торговой империи, чей дед был когда-то простым крестьянином, продолжатель отлично поставленного дела торговли колониальными товарами, он всю жизнь провел в Петербурге, наезжая в Москву изредка, по оказии. И вдруг три года назад купил особняк княгини Волконской на Тверской и пригласил своего «домашнего» архитектора Барановского переделать это знаменитое здание... В этом-то и была главная интрига — Барановский нанял рабочих, и те обшили стройку каркасом из досок — причем так плотно сбитых, что сквозь щели этого деревянного куба, внезапно возникшего прямо на Тверской улице, совершенно невозможно было что-то рассмотреть. Проникнуть за тщательно запиравшиеся задние ворота, куда постоянно подъезжали ломовые телеги с грузом, как правило накрытым плотной холстиной, было мечтой каждого московского журналиста. Но территория крепко охранялась специально нанятыми людьми, которые на предложение выпить, перекинуться в карты и даже посетить чудесный дом с приветливыми дамами неподалеку не отвечали, — вероятно, Елисеев платил им так хорошо, что они боялись потерять жалованье.

Войти же на территорию стройки благодаря знакомству с самим Елисеевым тоже не представлялось

возможным: он появлялся в Москве редко, лишь с инспекциями, и проводил в Первопрестольной не более трех дней. Говорили, что в Москве он снимал роскошную квартиру, но адреса никто не знал. Об этой квартире ходило много слухов — будто она забита произведениями искусства, причем подлинниками, которые Григорий Григорьевич скупал походя, бессистемно, потакая поистине варварским вкусам супруги Марии Андреевны. Происходившая из рода известных питерских пивоваров Дурдиных, она унаследовала от бабушки твердую купеческую хватку и самую невзрачную внешность, составляя удручающий контраст мужу — высокому подтянутому блондину с большими залысинами и мягким, уже не купеческим, а вполне аристократическим лицом. Мария Андреевна досталась Григорию Григорьевичу в качестве обязательного приложения к договору о слиянии капиталов — в те дни его бабушка Григорий Петрович расширял свою империю вин и колониальных товаров, начав производство превосходного пива.

Вот только Мария Андреевна в Москву наезжала намного реже мужа. И злые языки — а таких в любом городе предостаточно — поговаривали, что хозяйками тайной пещеры сокровищ Елисеева время от времени становились то молодые многообещающие актрисы, то танцовщицы Большого, а то и дамы, про которых нельзя было сказать ничего, кроме того, что вуаль на их шляпках плотная, а под тонкой перчаткой угадывается очертание обручального кольца.

Но если дамам Елисеев уделял внимание, то журналистам — нет. В Москву он обычно приезжал утренним поездом и с вокзала в личном закрытом экипаже ехал прямо на стройку. А оттуда исчезал где-то в районе Покровки. Любые попытки преследовать его экипаж пресекались охраной, сопровождавшей коляску Григория Григорьевича на всем пути.

Так что простите мне столь внушительное отступление, продиктованное только желанием показать, как необычно мне повезло, что я сумел пробиться к Елисееву, да еще и в минуту, когда он был, как говорят, в совершенно «разобранном» состоянии. То есть вполне готовым к журналистскому употреблению.

И вот Елисеев шел впереди меня, энергично двигая плечами, пытаясь, как я понял, освободиться от фрака. Моментально подлетел вышколенный тестовский официант и помог миллионеру. Под фраком оказалась вся мокрая от пота рубашка, липнувшая к спине.

— Уфф, жара, — сказал он, упав в кресло у столика. Его стол в одиночестве располагался посреди залы — все остальные были сдвинуты к стенам. — Садись, Гиляровский.

— Куда? — оглянулся я. Кресло было только одно.

Елисеев взмахнул рукой — и вот уже половой несет-ся ко мне со стулом.

Я сел, и передо мной тут же появились полный набор фужеров и рюмка, которую без единой лишней капли и даже малозаметного плеска одним движением наполнил белобородый Кузьма Павлович.

А по обе стороны от Елисеева встали еще два официанта с настоящими опахалами, как у турецкого бая из «Итальянки в Алжире», — наверное, их по требованию богатого гостя как раз и принесли в трактир из Большого театра, благо находился он неподалеку. Легкий ветерок пошел от опахал, и Елисеев поднял рюмку.

— Ну, господин корреспондент, выпьем?

— За что? — полюбопытствовал я.

— За... — Он задумался, а затем предложил: — Давай за знакомство. Тебя как зовут?

— Владимир Алексеевич.

— То есть Володя. А меня — Гриша. Давай, Володя!

Мы чокнулись и разом выпили. Елисеев вилкой ткнул в нежнейший тонкий ломтик стерляди и сунул его в рот. Закусил и я — отведал знаменитого тестовского расстегая с серебряного блюда, на котором две рыбины обвивали фирменный знак ресторана — букву Т, увитую хмелем.

Вдруг Елисеев нахмурился и вперил в меня пристальный пьяный взгляд.

— А ты, Володя, ведь не из коммерсантов? Нет?

— Нет, я писатель.

— А! — смягчился Григорий Григорьевич. — Это хорошо.

Он поднялся с кресла и сильно покачнулся. Стоявшие рядом официанты кинулись было к нему — поддержать, но миллионер выпрямился и нетвердой походкой направился к высокому окну, закрытому от солнечных лучей шелковыми белыми гардинами.

— Откинь! — приказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Появившийся рядом Кузьма Павлович оттянул гардину, впустив яркий солнечный свет. Елисеев ткнулся лбом в стекло и уставился вниз. Потом повернулся ко мне.

— Поди посмотри!

— Видал уже, — отозвался я, не вставая. — Это вы про экипажи?

— Ага! — торжествуя крикнул Елисеев, целясь пальцем в окно. — Ага! Не пускают? Надо же! Какая незадача! А кто не пускает? Я! — Он хлопнул себя по груди. — Я! Елисеев! Не желаю! Не желаю видеть ваши купеческие морды! А! Что ты там машешь руками? — продолжал он обращаться к собравшимся внизу. — Думаешь, право имеешь? Думаешь, сделал на гнилой селедке десять тысяч и теперь можешь сесть за соседний столик со мной?

Он повернулся и направил палец теперь уже на меня.

— Не-на-ви-жу, — сказал Елисеев медленно. — Не-навижу все это ваше московское купечество, этого только-только вылезшего из сапог и кафтана мужика. С толстой рожей, толстыми пальцами и толстыми ляжками! Равняться? С кем? Со мной? Мол, ты коммерсант и мы коммерсанты! Ты, подлец, богаче нас, да знаем отчего! Хитрей, подлец, изворотливей — потому и богаче. Нет! — крикнул он. — Нет!

В углу зала тут же материализовался старший охранник в английском пиджаке, которого Елисеев на-